

Фундаментальные исследования в сфере развития информационного общества**КРЕАТИВНОСТЬ И ИЗБЫТОЧНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ: УГРОЗА
ВЫУЧЕННОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ ИЛИ ТВОРЧЕСКИЙ РЕСУРС?****Ивахненко Евгений Николаевич**

*Доктор философских наук, профессор
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
кафедра философии гуманитарных факультетов
Москва, Российская Федерация
ivahnen@rambler.ru*

Ковальзон Мария Матвеевна

*Кандидат философских наук, доцент
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет,
кафедра философии гуманитарных факультетов
Москва, Российская Федерация
tkovalzon@mail.ru*

Аннотация

Основная идея статьи заключается в попытке показать, насколько избыточность информации коррелирует с креативным потенциалом субъекта-исследователя. Авторы предлагают читателю взглянуть в проблему «нераскрытого публичного знания» с нескольких сторон, последовательно отвечая на вопросы: насколько нейросети можно считать помощниками в раскрытии творческого потенциала исследователя? как «Прожекторная» теория познания Поппера подкрепляется аргументами творцов кибернетики второго порядка? почему избыточность информации оказалась критически важной в биологической и социальной эволюции? Статья подытоживается мыслью: наш разум – «незавершенный проект эволюции». В современных условиях он призван опираться на ИИ, а не подчиняться и не передавать ему свои полномочия.

Ключевые слова

избыточная информация, креативность, выученная беспомощность, аутопоэзис, социальная эволюция, «прожекторная теория», генеративность, адаптация-преадаптация, незавершенность

Введение

Избыточным принято считать такое количество научной информации, которое превосходит возможности осмысленного ее восприятия отдельным субъектом или коллективом исследователей. Проблема избыточности информации первоначально заявила о себе в 1970-х гг. в мировом библиотековедении. По подсчетам специалистов-книговедов общий запас опубликованных научных исследований в гуманитаристике и естествознании существенно превышает возможности их личностной и коллективной актуализации. В большей своей части, порядка 80%, они не используются или не прочитываются вовсе. Дон Соунсон назвал эту избыточную научную информацию «нераскрытым публичным знанием» [24].

На самом деле после 2000-х ситуация роста информационных потоков стала напоминать историю с волшебным горшочком с кашей из сказки братьев Grimm. Горшочек «варит и варит», а заветные слова, чтобы остановить процесс, начисто забыты. В нашем случае, похоже, такие «слова», вспомнить или найти невозможно. Этот процесс уже не остановить и даже не притормозить. Так, что «горшочек» будет «варить» безостановочно, обостряя тем самым вопрос о состоятельности когнитивного потенциала человека и человечества в целом.

© Ивахненко Е. Н., Ковальзон М. М., 2025

Производство и хостинг журнала «Информационное общество» осуществляется Институтом развития информационного общества.

Данная статья распространяется на условиях международной лицензии Creative Commons «С указанием авторства - С сохранением условий версии 4.0 Международная» (Creative Commons Attribution – ShareAlike 4.0 International; CC BY-SA 4.0). См. <https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode.ru>

https://doi.org/10.52605/16059921_2025_04_02

1 Нейросетевые помощники: за и против

Создание поисковых систем на рубеже 1990-2000-х как будто было призвано сгладить остроту не востребоваваемости огромного массива академического знания и скрытых в нем междисциплинарных связей. На этом фоне Клей Джонсон, один из пионеров цифровых политических компаний, придумал выражение «*информационное ожирение*», когда цифровые потребители пытаются справиться с избытком информации путем «*запойного потребления*» одних и тех же источников, как правило, подкрепляющих их мнение [25]. Поисковые системы идеально встроены в такого рода самоутверждение авторов. С другой стороны, в сложившейся ситуации вряд ли следует считать разумным призвать к отказу от поисковых систем. Однако приобретение легкости продвижения по неведомым прежде маршрутам в бескрайнем море интернет-ресурсов оборачивается, как это всегда происходит, утратами и новыми проблемами. Таковые не всегда заметны на фоне прогрессирующего совершенства гаджетов и цифровых платформ. Наиболее очевидная проблема – «*выученная беспомощность*», когда исследователь, столкнувшись со слишком большим количеством информации, надерганной поисковиком, испытывает усталость, аналогичную усталости перетрудившегося человеческого тела. Оказалось, что перекладывание бремени исследовательской деятельности на поисковую систему лишает пользователя, по определению Стивена Фуллера, «способности решать за себя» [23].

В наши дни не составит труда усмотреть то, как предостережение Фуллера усугублено прогрессирующим и безостановочным совершенствованием архитектуры глубоких нейронных сетей, по типу ChatGPT. По замыслу разработчиков все более продвинутых версий ChatGPT – 1,2,3,4... – их детище приближается к тому, что может быть использовано для решения «любых задач на английском языке». Любых – вряд ли, но без сомнения перечень применения нейросетей будет только возрастать, оставаясь при этом ценным ресурсом, но и сохраняя за собой определенную угрозу [8]. Интересно, что сказали бы разработчики нейросетей высокого уровня о перспективе сохранения исследователями «способности решать за себя» в свете безостановочного создания ими очередных версий нейросетевых «помощников». Или, например, как бы они прокомментировали исследование пользователей ChatGPT, проведенное путем сканирования мозга, когда 83% (из 54) участников не могли воспроизвести то, что только что написали с помощью ИИ. Или то, что у хронических пользователей ChatGPT активность мозга и нейросвязей снизилась в среднем на 37%. Это не просто зависимость – это «когнитивная атрофия», делают вывод организаторы эксперимента¹.

Обратим внимание на то, как далеко в этом отношении зашел профессор Окинавского института науки и технологий Хираоки Китано. Китано, признанный автор большого числа публикаций по ИИ, вывел значение функциональности самообучающихся нейросетей далеко за пределы расшифровки больших массивов данных и ускорения счета. Так вот, Китано вряд ли бы согласился с оптимистическим выводом академика К. В. Анохина, согласно которому решение творческих задач останется за человеком, тогда как технологические задачи будут отданы на откуп ИИ. «В противном случае, – полушутливо замечает академик, – через каких-то 15–20 лет ИИ будет присвоена Нобелевская премия» [2]. Нам представляется, что к такой постановке вопроса следует относиться с полной серьезностью. В своей статье [7] мы уже предпринимали попытку рассмотреть данную проблему, высвечивая ее под разными исследовательскими углами – реципрокности, сложности, гетерогенности, объект-центричной социологии и др. В самом деле, при сохранении существующих темпов разрастания нейросетей Нобелевский комитет в недалекой перспективе вполне может быть поставлен перед дилеммой: считать ли авторов научных открытий, достигнутых с непосредственным участием ИИ, заслуживающими присуждения звания лауреата? Четверть века тому назад Бруно Латур в своей акторно-сетевой теории уже ставил вопрос в схожей плоскости. Акторы, конструирующие научные факты, по его мнению, – это не только люди, но и приборы, лабораторное оборудование, микробы, вещества, подопытные животные... [15] На месте поставленного многоточия в ряду делающих науку латуровских акторов еще более к месту, чем подопытные животные и микробы, можно разместить современные чат-боты по типу ChatGPT, YandexGPT и др.

¹ MIT Media Lab. URL: https://www.media.mit.edu/projects/your-brain-on-chatgpt/overview/?utm_source=perplexity (дата обращения: 21.06.2025)

2 «Прожекторная теория» Карла Поппера

Если бросить беглый взгляд на все вышесказанное, то может сложиться представление об утрате человекоцентричности на фоне безостановочного глобального и всепоглощающего шествия по планете цифровизации и ИИ. Как будто горшочек с информационной кашей делает свое дело так, что человек-созидатель со всеми его атрибутами – творчеством, ценностями, моралью и ответственностью – неуклонно уступает свое прежде привилегированное место анонимным цифровым устройствам в их нейросетевом исполнении. Но так ли это на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, нам необходимо бросить взгляд на следующий уровень проблемы избыточности информации, как и на техно-социальные последствия, ею порождаемые.

Возьмемся к тому, что, собственно, следует брать в расчет, применительно к информационному потоку как массиву данных, перекрывающих возможности человека их усвоения, систематизации, а то и учета в целом. Еще в 1940-е гг., Карл Поппер высказал соображение об ошибочности «Бадейной теории», согласно которой «наш разум напоминает контейнер – что-то вроде бадьи, в которой собираются восприятия и знание» [18]. На самом деле, утверждал Поппер, мы не только *активны* в приобретении знания, но и *критичны*. Сказано было убедительно. Но все же «критичность» знания, на которую уповал «убийца логического позитивизма», потребовала в дальнейшем более расширенного толкования, и в первую очередь – применительно к экспоненциальному росту информации, не столь еще очевидному в середине XX в. Тем более, что автор «Объективного знания» (1972) привязывал «бадейную теорию» преимущественно к чувственному восприятию. Тем не менее, в нашем случае, можно воспользоваться попперовской альтернативой «Бадейной теории». Это – «Прожекторная теория» познания. Ее суть заключается в том, что наблюдение работает как прожектор, высвечивая во всем массиве данных ту информацию, которая «высвечивается» его теоретической предрасположенностью и тем самым способствует решению конкретной научной проблемы. «Мы не получаем наблюдение, делаем его», – заключает Поппер [18, с. 321]. Другими словами, ученые в ходе решения конкретных проблем, *имеют дело* с конкретной информацией, а не получают информацию вообще, на все случаи жизни. Такой подход как будто ограничивает информационный запрос исследователя строго определенной областью его интересов.

Однако сам Поппер здесь явно не договаривает. Что делать с увеличивающимся потоком сообщений (фактов), хоть и причастных к конкретной проблеме, но по общей массе, превышающих все ту же потенциальную возможность ее осмысленного использования? Кроме того, согласно его «прожекторной теории», знание, как результат исследования, выстраивается в некоторой логике задействования различных уровней познания. К этому он добавляет еще и то, что ученый-исследователь направляет «прожектор» своего наблюдения не только вовне, но и на себя самого. Учет двух последних замечаний Поппера серьезно отягощает кажущуюся легкость выхода из ситуации избыточности. В целом ответы на эти вопросы Поппер оставляет в стороне, так, как будто они разрешаются сами собой, упомянутой «критичностью» исследователя, или, как он называет, – «горизонтом ожиданий» исследователя [18, с. 323]. И все же следует признать, что, по существу, Поппер прав, если не считать вывод им за скобки системного *содержания* творческого по своей сути выбора ученого в условиях избытка сообщений. Нам же необходимо высветить несколько таких содержательных аспектов, которые позволяют подкрепить и расширить аргумент Карла Поппера.

3 Кибернетика второго порядка о неклассическом определении информации

На первый взгляд, как будто и так понятно, что малое количество информации сужает возможность найти успешное решение проблемы, большое количество – такую возможность делает более вероятным. Однако последнее, во-первых, ничего не гарантирует, а в каких-то ситуациях может, наоборот, затруднить или помешать нахождению успешного решения проблемы. Во-вторых, важно осмыслить то, на основании чего мы связываем рост творческого интеллектуального потенциала с ростом избыточности информации.

Сам по себе тезис об исключительной важности для интеллектуальных новаций редундантности (*redundance*, с англ. – избыточность, чрезмерность, излишек) информации был впервые обоснован в кибернетике второго порядка в 1960-1980-е гг. В ее недрах родилось неклассическое определение информации. Традиционные, классические, определения

информации², предложенные представителями кибернетики первого порядка (Н. Винер, К. Шеннон и др.), нам хорошо знакомы еще по школьному курсу информатики. Вклад последующего поколения кибернетиков в целом заключался в смысловом расширении того, что следует понимать под связкой *система-информация*. Пожалуй, началом пересмотра понятия информации можно считать определение Г. Кастлера: «Информация – есть запомненный (системой, – ЕИ) выбор одного варианта из нескольких возможных и равноценных» [10]. Это определение Кастлер предложил в 1960-е гг., применительно к биологической организации систем. Из него несложно сделать вывод, что ограничение разнообразия информационных сообщений ограничивает перспективы дальнейшего развития системы, уменьшая количество возможных альтернатив ее развития, что в конечном счете приводит ее к стагнации, а в кризисных условиях – возможно и к гибели. Позже, в 1970-е гг., в работах чилийских нейрофизиологов У. Матураны и Ф. Варелы этот подход получил свое продолжение в их учение об *аутопоэзисе*³ живых систем [29]. Любая система, будь то клетка, орган, организм, биогеоценоз... несет в себе свою аутопоэзную динамику. Аутопоэзная динамика создает/конструирует информацию для себя путем выбора сообщений или вызовов (ирригаций), с которыми эта система сталкивается [9].

Наиболее последовательную социологическую интерпретацию аутопоэза систем предложил Никлас Луман [16]. В его «системной теории» избыточности информации (редундантности) отведено особое место. То, что следует подразумевать под информацией, согласно Луману, существует и может иметь смысл только внутри системы. Таким образом, то, что посылается от одной системы (пусть это будет конкретный человек-субъект-наблюдатель, СМИ, сообщество и т. д.) к другой **не является информацией, а – сообщениями (или сведениями)**, которым еще только предстоит стать информацией, той или иной – в зависимости от внутреннего ресурса/тезауруса принимающей сообщения системы. Такое видение отношения «сообщение-информация» позволяет, на наш взгляд, глубже заглянуть в суть проблемы избыточности информации. Прежде всего, следует отказаться от попыток уповать на то, что уже существует информация, которая только ждет своего открытия, как Америка ждала своего Колумба. Наивно также полагать, что, подобно заветному ключику, на любую неопределенность всегда уже есть готовое единственно правильное решение. Как будто все дело в том, что решение сложной проблемы спрятано в информационном потоке и его только нужно найти и отделить от других ошибочных/неправильных для данной ситуации решений.

Безнадежность такой поисковой стратегии определяется формулой: Информация всегда не найденное, а сделанное. Поэтому мы имеем дело не с информацией вообще, а с той информацией, которую мы создаем/адаптируем/ассимилируем из нашего же интеллектуального действия. [22]. К сказанному следует добавить по меньшей мере три поясняющих момента. *Во-первых*, одно и то же сообщение для разных систем может способствовать превращению в губительную или спасительную информацию, применительно к действию (траектории развития системы), которое система предпримет на ее основании – выбору одного из нескольких альтернатив своего развития. *Во-вторых*, во всем море информации нет и быть не может готового в виде неразложимой целостности универсального положительного разрешения. Неопределенность всегда будет сохраняться! Поэтому воспользоваться «правильным» информационным выбором можно только *контекстуально* – с учетом того, кто или что этот выбор осуществляет, какая неопределенность ситуации требует такого выбора и т. д. И, наконец, *в-третьих*, в таких случаях мы имеем дело с принципом *эквифинальности*, некогда разработанным и предложенным основателем общей теории систем Людвигом Берталанфи [6]. Согласно этому принципу, одно и то же искомое конечное состояние может быть достигнуто множеством потенциальных способов. В этой связи уместно привести еще одно высказывание С. Фуллера. «Рассуждения о понятии «избыточность информации», – отмечает он, – напоминают нам о том, что, когда люди говорят о «поиске знаний ради знаний», упор следует делать на «поиске», а не на «знаниях»: сами по себе знания не то, чем стоит обладать ради них самих» [20, с. 199].

² Определений информации в классическом ключе несколько. Вот только некоторые из них: «Информация есть мера уровня организации» (Н. Винер); «Информацией называется всякое сообщение или передача сведений о чем-либо, что не было заранее известно» (К. Шеннон); Или так: «Информация есть алгоритм, т. е. совокупность сведений, необходимых для построения оператора – т.е. некоего стороннего воздействия, изменяющего спонтанный ход событий» и т. п. В целом определения информации данные в рамках кибернетики первого порядка, сконцентрированы на том, что речь идет об *антропоморфной* информации, которая несет в себе *человекомерное* содержание. Такая информация хранится, обрабатывается, передается, кодируются, декодируется и т. д.

³ *Аутопоэзис* (от греч. *αυτός* – сам, *ποίησις* – создаю, произвожу, творю) буквально означает само-строительство, само-производство или воссоздание себя через себя самого.

4 Человекоцентричность вовсе не исчезает...

Если бросить взгляд на описываемую ситуацию в целом, то легко можно представить картину, в которой субъект или наблюдатель, как пользователь информацией, напоминает рыбака на утлом суденышке посреди бушующего океана. А его спасение зависит не только от карты (доступа к массиву информации), системы навигации и исправности оборудования в целом (поисковых приложений), но и от качеств, которые невозможно строго подсчитать, тем более – встроить в строго определенную последовательность/конфигурацию. Это то, что обыкновенно обозначают расплывчатым понятием «опыт» или то, что Поппер назвал «критичностью» ученого. Это – и опыт использования лоцманских навыков, судовождения в экстремальных ситуациях, и смекалка (как же без нее), и накопленная способность апеллировать к интуиции – все то, что способствует успешному выбору в условиях бесчётного количества неопределенностей. Здесь актуализируется как будто бы утраченная в цифровых технологиях человекоцентричность. Ситуация принятия решения в контексте разрастания неопределенностей подвигает нас к утверждению, что *сопутствующим свойством избыточности информации выступает не только расширение возможностей информационного выбора, но и все возрастающее требование к развитию креативного поведения субъекта*.

Интересно, как тот же Фуллер в заданном контексте разделяет предполагаемые ответы на проблему избыточности информации, со стороны гуманитария и ученого-естественника. Для гуманитария избыточность информационных предложений (сообщений) может оказаться предпочтительной со стороны поиска оригинальности выражения его идей. Для ученого-естественника – со стороны его первенства, по отношению к другим ученым, решающим ту же проблему. Но, пожалуй, важнее для нас пояснение, которым Фуллер подытоживает свое отнюдь не бесспорное различие на оригинальность и первенство: «В обоих случаях, – пишет он, – проблема не “решается” [полностью, ЕИ, МК], скорее, она просто организуется и структурируется, становясь предметом управления, что позволяет сохранить поток производства знания». [20, с. 199.]. Следует согласиться с автором, прежде всего, в пункте «организуется и структурируется».

И все же, почему избыточность информации является не просто важной, а критически важной для креативного поведения субъекта, особенно при принятии решений в условиях нарастания информационной сложности и неопределенности? Попробуем подступиться к этой проблеме со стороны эволюционного подхода.

5 Избыточность информации как фактор биологической и социальной эволюции

Уменьшение разнообразия информационного предложения не только уменьшает возможность выбора, но и способствует статус-кво проверенных решений, своего рода сверхспециализации, построенной на зависимости от траекторий предшествующего развития. В стабильных повторяющихся условиях проверенные решения как правило работают исправно. Но жизнь время от времени ставит нас в ситуацию неопределенности выбора, когда «такого еще не было». В этом случае сверхспециализация может оказаться предельно непродуктивной. В эволюционной теории подобная ситуация – сверхспециализации в условиях нарастания неопределенности – является показателем предкризиса, а при длительных кризисных событиях узкоспециализированные популяции вообще не выживают [13]. В той же мере кризисный фактор сверхспециализации проявляется и в социальной эволюции [12]. Оказалось, что избыточность и разнообразие – свойства, принадлежащие самой сути поступательного развития аутопоэзных систем. Здесь надо вспомнить фундаментальный принцип кибернетики, сформулированный У. Р. Эшби. Речь идет о *законе необходимого разнообразия*, согласно которому разнообразие управляющей системы должно быть не меньше разнообразия управляемого объекта [21]. В этой связи следует согласиться с авторами, предложившими еще более радикальную версию закона Эшби, согласно которой «системообразующей характеристикой человека как Homo complexus является универсальная избыточность, как инструмента *преадаптации* к непредсказуемым вызовам» [3].

Узкая специализация или сверхспециализация являются маркерами сужения информационного поля и *адаптивного* поведения, построенного на уже приобретенном опыте. Александр Аузан назвал подобную зависимость от траектории предшествующего развития «эффектом колеи» [5]. Альтернативой адаптации выступает *преадаптация*⁴. В преадаптации

⁴ Впервые термин «преадаптация» ввел в научный оборот в начале XX в. французский биолог-эволюционист Люсьен Кено (1866–1951) в противовес широко распространенному тогда идеалу прагматической рациональности и адаптивной парадигме [11].

ключевое значение приобретает поддержание/удержание избыточного информационного разнообразия, поскольку потенциал избыточности здесь выступает фактором предварительной готовности системы ответить на непредсказуемые внешние вызовы. Такая избыточно-информационная готовность к непредсказуемым вызовам служила эффективным инструментом в эволюции организмов и популяций. Но она же работает и в разновеликих масштабах культурного развития человечества – от жизнеспособности больших и малых сообществ до эффективности креативного мышления («мыследеятельности» и «мыследействия», по Г. П. Щедровицкому)⁵ исследователей в науке.

Переходя на язык системной теории, можно сказать, что адаптация к *определенному* набору вызовов являет собой ограничение возможностей системы *этим же* набором условий. Другое дело ресурс преадаптации. В нем избыточное разнообразие форм дает куда большие шансы ответить на вызовы, выходящие за границы адаптивной нормы. Таким образом, преадаптация являет собой особый (резервный) тип приспособления организма, общества или мыследеятельности ученого, до появления в нем необходимости. По меткому замечанию В.А. Петровского «Адаптивная мотивация активности – это мотивация дефицита; неадаптивная – избытка возможностей» [17, с. 255].

Исследования последних десятилетий существенно подкрепили тезис об универсальности феномена избыточности информации. Таковой выявлен на всех «этажах» жизнедеятельности – от энергетического потенциала и мышечной конструкции отдельных организмов [14] до мегапластичности структур мозга [19]. Более того, само становление человечества, потребовало избыточного разнообразия индивидуальностей, без которого усложняющаяся жизнь была бы невозможна [1].

Избыточность – коренное свойство преадаптации. Эволюция располагает накапливать избыточные формы «про запас». Они-то и снабжают жизнь на Земле мультипотенциальностью и эволюционной пластичностью. Показательным примером важности универсальной избыточности является функция неупорядоченных и информационно нейтральных участков генома, присутствие которых не объяснимо в рамках адаптивных моделей эволюции [27]. Значительная часть этих, якобы «мусорных», отрезков ДНК вовсе не бесполезна. Доказано, что их функция важна не в отношении подкрепления прошлой успешности организма, а в отношении к будущей его успешности. Избыточность такого рода, как оказалось, обеспечивает способность непредсказуемого генетического обновления при радикальных изменениях окружающей среды [30].

Пример генома демонстрирует главное преимущество универсальной избыточности как инструмента преадаптации. Именно в универсально избыточном свойстве преадаптации заложена возможность формирования неограниченного числа принципиально новых качеств. И это как раз то, что характеризует систему как *генеративную*, т.е. способную производить непредсказуемые изменения из себя, без участия создателя этой системы. В этой связи показательны то, как в статье А. Г. и Г.А. Асмоловых, был переброшен мостик от генеративности живых систем с универсальной избыточностью к генеративности «цифровой экосистемы» интернета. Интернет как пространство безостановочного производства разнообразия и избыточности информации несет в себе схожие с биологическими эволюционные возможности, применительно к развитию человеческого потенциала [4]. По сути, мы имеем дело с принципиальной незавершенностью цифровых объектов, их структурной нестабильностью, подвижной мимикрией избыточного пространства. Это тот случай, когда бесконечное количество возможных вариаций цифровых объектов, делает их предметом бесконечных модификаций [26]. Сама по себе открытая архитектура системы интернета позволяет постоянно генерировать всё новые продукты и смыслы, которые не были частью изначального замысла его создателей. «Генеративность – это способность системы производить непредсказуемые изменения через нерегулируемые вклады от широкой и разнообразной аудитории» [31]. Хроническая незавершенность интернета «встроена» в генеративную систему, поскольку определяет ее непрогнозируемое стремление к дальнейшему развитию. В этом смысле наш разум генеративный и «незавершенный проект эволюции» [28], который призван развиваться, опираясь на ИИ, а не подчиняясь и не передавая ему свои полномочия.

⁵ В нашем случае, когда речь идет о креативности субъекта-исследователя, уместно воспользоваться терминами Г.П. Щедровицкого, «мыследеятельность» – в широком смысле и «мыследействие» – в узком, относящемся к конкретному мыслительному акту.

Заключение

Избыточность информации может исследоваться на различных уровнях: от общего статистического сопоставления с когнитивными возможностями человека до ее ключевого значения в кибернетике второго порядка. Во всех случаях информационная избыточность амбивалентна. Она, с одной стороны, представляется как когнитивная проблема исследователя, брошенного в безостановочно нарастающий поток информации. С другой – выступает неустранимым условием креативности ученого-исследователя в создании интеллектуальных новаций и поиске решений в условиях неопределенности и непредсказуемости внешних вызовов. В этом отношении следует признать перспективными пути создания преадаптационных моделей интеллектуального поведения ученого-исследователя, которые способствуют превращению информационного избытка из когнитивной проблемы в когнитивный креативный ресурс. Тот самый ресурс, который превращает новую информацию в способность исследователя находить новые решения. Именно избыточность информации вкупе с преадаптивной мыследеятельностью позволяет выявить нечто принципиальное, прежде не актуализированное в нас самих.

Литература

1. Алексеев В.П. Становление человечества. М.: Политиздат, 1984. 462 с.
2. Анохин К.В., Новоселов К.С., Смирнов С.К., Ефимов А.Р., Матвеев Ф.М. Искусственный интеллект для науки и наука для искусственного интеллекта // Вопросы философии. 2022. № 3. С.93–105.
3. Асмолов А.Г., Шехтнер Е.Д., Черноризов А.М. Парадокс сосуществования адаптации и преадаптации в историко-эволюционном процессе // Вопросы психологии. 2021. Т. 67. № 4. С. 1–18.
4. Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.
5. Аузан А.А. «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития – эволюция гипотез // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2015. № 1. С. 3–17.
6. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
7. Ивахненко Е.Н., Ковальзон М.М. Будет ли присуждена искусственному интеллекту Нобелевская премия в 2040 году? // Информационное общество. 2024. № 2. С. 2–10.
8. Ивахненко Е.Н., Никольский В.С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9–22.
9. Ивахненко Е.Н. Аутопойезис информационных объектов // Информационное общество. 2009. № 1. С. 34–41.
10. Кастлер Г. Возникновение биологической организации. М.: Мир, 1967. 90 с.
11. Кено Л. Теория предварительной приспособленности // Природа. 1914. С. 1297–1304.
12. Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2003. 278 с.
13. Крылов А.К., Марков А.В., Александров Ю.И. Единство популяции как способ выживания в нестабильной среде // Журн. общей биологии. 2020. Т. 81. № 3. С.194–207.
14. Латаш М.Л. Физика живого движения и восприятия. М.: Когито-Центр, 2020. 357 с.
15. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом. «Высшая школа экономики», 2014. – 384 с.
16. Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004. 232 с.
17. Петровский В.А. «Я» в персонологической перспективе. М.: Изд. дом ВШЭ, 2013. 502 с.
18. Поппер К. Приложение 1. Бадья и прожектор: две теории познания // Объективное знание. Эволюционный подход. Пер. с англ. Д.Г. Лахути. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 320–336.
19. Соколов Е.Н., Незлина Н.И. Долговременная память, нейрогенез и сигнал новизны // Журнал высшей нервной деятельности им И.П. Павлова. 2003. Т. 53. № 4. С. 451–463.
20. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. 368 с.

21. Эшби У.Р. Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. 412 с.
22. Duff A. A Normative Theory of the Informative Society. 2012, London: Routledge. 157 p.
23. Fuller S. Preparing for Life in Humanity 2.0. 2012, London: Palgrave Macmillan. 117 p.
24. Swanson D. Undiscovered Public Knowledge // Library Quarterly. N. 56 (2), 1986. P. 103–118.
25. Jonson C. The Information Diet: The Case for Conscious Consumption. 2012, Sebastopol, CA: O'Really Media. 150 p.
26. Kallinikos J., Aaltonen A., Marton A. The ambivalent ontology of digital artifacts // MIS Quart. 2013. V. 37. N 2. P. 357–370.
27. Lynch M., Conery J.S. The origins of genome complexity // Science. 2003. V. 302. N 5649. P. 1401– 1404.
28. Malafouris L. How things shape the mind: A theory of material engagement. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 304 p.
29. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. Dordrecht, 1980. 141 p.
30. Yong E. ENCODE: The rough guide to the human genome. 2012. URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/encode-the-rough-guide-to-the-human-genome>
31. Zittrain J. The future of the Internet – and how to stop it. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press, 2008. 342 p.

ORIGINALITY AND INFORMATION REDUNDANCE: A THREAT OF SEEMINGLY ENLIGHTENED IGNORANCE, OR A SOURCE OF CREATIVITY?

Ivakhnenko, Eugene N.

DSc in philosophy, professor

*Lomonosov Moscow State University, Philosophical faculty, Department of philosophy for the humanities
Moscow, Russian Federation*

ivahnen@rambler.ru

Kovalzon, Maria M.

PhD in philosophy, associate professor

*Lomonosov Moscow State University, Philosophical faculty, Department of philosophy for the humanities
Moscow, Russian Federation*

mkovalzon@mail.ru

Abstract

The article aims to show how information redundancy correlates with the creative potential of the research subject. The authors invite the reader to delve into the problem of “undisclosed public knowledge” from a few perspectives, to go about the following questions: to what extent can neural networks be considered assistants in revealing the creative potential of a researcher? How well is Popper’s “Searchlight theory” of knowledge justified by the arguments of the inventors of second-order cybernetics? Why has information redundancy turned out to be critically important for biological and social evolution? The article concludes with the observation that our mind is an “unfinished project of evolution”. It is called upon, under modern conditions, to rely on AI, without submitting to it, or handing over its credentials to it.

Keywords

information redundancy, creativity, enlightened ignorance, autopoiesis, social evolution, “searchlight theory,” generativity, adaptation-preadaptation, incompleteness

References

1. Alekseev V.P. Stanovlenie chelovechestva. Moscow: Politizdat, 1984. 462 p.
2. Anoxin K.V., Novoselov K.S., Smirnov S.K., Efimov A.R., Matveev F.M. Iskusstvenny`j intellekt dlya nauki i nauka dlya iskusstvennogo intellekta. Voprosy` filosofii. 2022. N 3. P.93–105.
3. Asmolov A.G., Shextner E.D., Chernorizov A.M. Paradoks sosushhestvovaniya adaptacii i preadaptacii v istoriko-e`volyucionnom processe. Voprosy` psixologii. 2021. Vol. 67. N 4. P. 1–18.
4. Asmolov G.A., Asmolov A.G. Internet kak generativnoe prostranstvo: istoriko-e`volyucionnaya perspektiva. Voprosy` psixologii. 2019. N 4. P. 3–28.
5. Auzan A.A. “E`ffekt kolei”. Problema zavisimosti ot traektorii predshestvuyushhego razvitiya – e`volyuciya gipotez. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 6. E`konomika. 2015. N 1. P. 3–17.
6. Bertalanffy L. fon. Obshhaya teoriya sistem: kriticheskij obzor. Issledovaniya po obshhej teorii sistem. Moscow: Progress, 1969. P. 23–82.
7. Ivakhnenko E.N., Koval`zon M.M. Budet li prisuzhdena iskusstvennomu intellektu Nobelevskaya premiya v 2040 godu? Informacionnoe obshhestvo. 2024. N 2. P. 2–10.
8. Ivakhnenko E.N., Nikol`skij V.S. ChatGPT v vy`sshem obrazovanii i nauke: ugroza ili cenny`j resurs? Vy`sshee obrazovanie v Rossii. 2023. Vol. 32. N 4. P. 9–22.
9. Ivakhnenko E.N. Autopojezis informacionny`x ob`ektov. Informacionnoe obshhestvo. 2009. N 1. P. 34–41.
10. Kastler G. Vozniknovenie biologicheskoy organizacii. Moscow: Mir, 1967. 90 p.
11. Cuénot L. Teoriya predvaritel`noj prisposoblennosti. Priroda. 1914. P. 1297–1304.
12. Korotaev A.V. Social`naya e`volyuciya: faktory`, zakonomernosti, tendencii. Moscow: “Vostochnaya literatura” RAN, 2003. 278 p.

13. Krylov A.K., Markov A.V., Aleksandrov Yu.I. Edinstvo populyacii kak sposob vy`zhivaniya v nestabil`noj srede. Zhurnal obshhej biologii. 2020. Vol. 81. N 3. P.194–207.
14. Latash M.L. Fizika zhivogo dvizheniya i vospriyatiya. Moscow: Kogito-Centr, 2020. 357 p.
15. Latour B. An Introduction to Act-Network-Theory. Moscow: Vy`sshaya shkola e`konomiki, 2014. 384 p. (in Russia)
16. Luhmann N. Obshhestvo kak social`naya sistema. Moscow: Logos, 2004. 232 p.
17. Petrovskij V.A. «Ya» v personologicheskoy perspektive. Moscow: «Vy`sshaya shkola e`konomiki», 2013. 502 p.
18. Popper K.R. Appendix 1. The Bucket and the Searchlight: Two Theories of Knowledge. Objective Knowledge. An Evolutionary Approach. Oxford, Clarendon Press, 1979. Pp. 341–361.
19. Sokolov E.N., Nezlina N.I. Dolgovremennaya pamyat`, nejrogenez i signal novizny`. Zhurnal vy`sshej nervnoj deyatelnosti. 2003. Vol. 53. N 4. P. 451–463.
20. Fuller S. Post-Truth. Knowlefe as a Power Game. Moscow: Vy`sshaya shkola e`konomiki, 2025. 368 p. (in Russia)
21. Ashby W.R. Konstrukciya mozga. Proisxozhdenie adaptivnogo povedeniya. Moscow, 1962. 412 p.
22. Duff A. A Normative Theory of the Informative Society. 2012, London: Routledge. 157 p.
23. Fuller S. Preparing for Life in Humanity 2.0. 2012, London: Palgrave Macmillan. 117 p.
24. Swanson D. Undiscovered Public Knowledge. Library Quarterly. N. 56 (2), 1986. P. 103–118.
25. Jonson C. The Information Diet: The Case for Conscious Consumption. 2012, Sebastopol, CA: O`Really Media. 150 pp.
26. Kallinikos J., Aaltonen A., Marton A. The ambivalent ontology of digital artifacts. MIS Quart. 2013. V. 37. N 2. P. 357–370.
27. Lynch M., Conery J.S. The origins of genome complexity. Science. 2003. V. 302. N 5649. P. 1401–1404.
28. Malafouris L. How things shape the mind: A theory of material engagement. Cambridge, MA: MIT Press, 2013. 304 p.
29. Maturana H.R., Varela F.J. Autopoiesis and Cognition. The Realization of the Living. Dordrecht, 1980. 141 p.
30. Yong E. ENCODE: The rough guide to the human genome. 2012. URL: <https://www.nationalgeographic.com/science/article/encode-the-rough-guide-to-the-human-genome>
31. Zittrain J. The future of the Internet – and how to stop it. New Haven, Conn.: Yale Univ. Press, 2008. 342 p.